

Елизавета Лещенко

г. Таганрог,
Ростовская обл.

Девочка с бумажным фонарём

Была середина зимы. Рабочий вечер пятницы выдался неприятно суетным и затяжным, погода радовала ещё меньше: морось, ветер и зябкая сырость. Сегодня я напросился в гости к Элин, зная, что её соседка уезжает на выходные и нас никто не побеспокоит. Я пообещал, что освобожусь вовремя, в последнее время ей часто приходилось меня дожидаться: на улице или в кафе.

Сама она не жаловалась, но я вовсе не хотел злоупотреблять её терпением, что-то внутри меня упорно не желало принимать эти так недавно, неожиданно и стремительно начавшиеся отношения за ничем не отличающийся от всех остальных мимолётный роман.

Элин не была похожа ни на одну девушку, с которой мне когда-либо доводилось быть так или иначе знакомым, да и, честно говоря, я вообще не мог припомнить хоть одного похожего на неё человека, которого мне когда-нибудь доводилось встречать. Хотя, в чём именно заключалась эта выраженная «непохожесть», я вряд ли мог бы более-менее внятно сформулировать.

Когда она физически находилась где-то рядом, я мог явственно ощущать её присутствие даже с закрытыми глазами; когда она входила в комнату, меня как будто обдавало тёплым ветром, и чем ближе она подходила, тем сильнее становился ветер – вот-вот унесёт...

Если же мы не виделись несколько дней и я забывал ей позвонить, меня неотступно, как наваждение, начинал преследовать её образ. Не раз я – на улице или в подzemке – бросался догонять абсолютно незнакомых девушек, до последнего момента уверенный, что это именно она – пока нос к

носу не сталкивался с абсолютно ничем не напоминающей Элин обескураженной женщиной...

Неудивительно, что все вещи, принадлежавшие ей, и вообще всё окружающее Элин пространство были так же странны и загадочны, как и сама девушка. В её комнате не хранилось ничего, что могло бы рассказать о личном прошлом: никаких фотографий с подругами или сёстрами либо постеров с автографами – ну и прочей макулатуры, которой обычно окружают себя обычные девчонки.

А вот чужих историй здесь было пруд пруди: какая-то окаменелая штукавина, старинный (причём исправно работающий) патефон, книга, изданная так давно, что язык её было практически невозможно распознать (хотя у Элин получалось отлично). А однажды я заметил в углу странного вида поношенную туфлю (выглядела она так, как будто её обронила на булыжной мостовой некая Золушка из века эдак девятнадцатого, а потом на эту туфлю случайно наступила лошадь). «Это-то тебе зачем?» – спросил я, слегка поморщившись. «У неё красивое прошлое», – как всегда в таких случаях категорично отрезала Элин и своей восхитительно-изящной рукой расправила мой искусственно сморщенный нос.

И чем дольше длилось наше знакомство, тем больше сундучков с секретами в Волшебной Комнате По Имени Элин являлось моему невооружённому сознанию, и, наконец, уже не надеясь выбраться из лабиринта этого зámка прежним и невредимым, оно смирилось и стало принимать всё происходящее как неизбежную данность.

И эта безмятежная капитуляция длилась вплоть до того злополучно-промозглого пятничного вечера, когда я, в спешке, оскальзываясь и спотыкаясь, почти что бегом сокращал расстояние до дома Элин. Чтобы срезать путь от метро, я спустился к реке и шёл – точнее, скользил – между трассой и парашютом (или тем, что от него осталось).

Вдруг произошло нечто, от чего я, пытаюсь резко затормозить и обернуться, упал,

точнее, вдруг обнаружил себя сидящим, растопырив ноги, как какой-нибудь диснеевский утёнок, на которого что-то плюхнулось сверху: в моём правом ухе (а по ощущениям, прямо в голове), вдруг раздался голос, звонкий, и в то же время нежный. Он изрёк: «У тебя шнурок развязался!»

Не обратив ни малейшего внимания на скрежет и грохот, раздавшийся в этот момент в паре метров от меня, я, глуповато моргая, уставился направо, ошалело разглядывая обладательницу загадочного голоса. Я мог поклясться чем угодно в том, что действительно вижу её, но в то же время понимал, что это зрение какое-то особенное, как бы внутреннее – обострённое до предела. Виски покалывало, в ушах стоял шум, всё тело обуяло сильное – совсем не характерное для меня лично – чувство предельной тревоги, волнения и... заботы.

Прямо на парапете, беспечно болтая ногами, обутыми в какие-то старомодные (хотя по виду – недавно купленные) домашние туфли, сидела симпатичная хрупкая девчонка лет двенадцати. На ней была просторная кофта и нечто похожее на леггинсы.левой рукой она облокачивалась на парапет, а в правой держала фонарик из цветной бумаги, и он... светился изнутри. Светился ярко, осязаемо тепло.

– Эй! Ты там цел?! – только теперь я обратил внимание на источник недавнего грохота: из-за скользкой дороги водитель огромной фуры немного заехал на тротуар и снёс массивный столб, край которого сейчас находился в каком-нибудь полуметре от моих злополучных – и абсолютно целых – ботинок. Кстати, на них совсем не было шнурков.

Поднявшись и отряхнувшись, я бодро ответил (шум в голове очень кстати совсем улетучился): «Порядок!» – и двинулся было дальше, но тут, вдруг вспомнив недавнее наваждение, оглянулся направо, затем назад, подошёл к парапету, перегнулся через него и ещё раз осмотрел всё вокруг. Ничего. Ничего похожего на странную симпатичную девочку и никаких следов её пребывания здесь.

Элин открыла мне дверь, когда я ещё не успел постучать – такое случилось и раньше, – и обняла меня первой, не дожидаясь, пока я сниму пальто. Я успел заметить, что она выглядит бледной и уставшей и что её тонкие пальцы холоднее, чем обычно, и как будто слегка дрожат. Ничего не говоря, я зарылся лицом в её густые, коротко подстриженные волосы и ненадолго закрыл глаза.

– Хочешь кофе? – своим обычным голосом спросила оттаявшая Элин.

– Очень, – честно ответил я, открыв глаза и по привычке блуждая взглядом по квартире в поисках какой-нибудь новой чудной вещицы. И я её нашёл. На подоконнике красовался ярко-оранжевый фонарик – как видно, недавно сделанный из бумаги.

– Может, всё-таки как-нибудь покажешь свои старые фотографии? – скорее чтобы что-то сказать, нежели с надеждой спросил я, глядя через плечо Элин прямо в глаза девочке за окном. Та заговорщически улыбнулась и, прижав палец к губам, мягко растаяла во влажных туманных сумерках.

– Думаю, сегодня ты и так видел больше, чем достаточно, – как всегда неожиданно и безапелляционно задвинув на место моё неоправданно-высокомерное любопытство, промолвила очаровательная Элин и мягко отстранилась от меня, направляясь в кухню.

Я быстро догнал её и крепко прижал к себе.

Снимаю шляпу

В городке под названием Блекхэт живут очень серьёзные с виду граждане. Однако серьёзность эта очень забавная. Дело в том, что все без исключения жители – кроме разве что самых крошечных – носят длинные волосы и бессменную чёрную шляпу.

Да, человечки разного роста и возраста, совершенно по-разному одетые и держащиеся, венчают свою голову абсолютно одинаковой причёской и традиционной чёрной шляпой.

Шляпы эти не продаются в специальных магазинах и не шьются на заказ у портного.

Проживая в Блекхэте, вы не можете выбрать себе шляпу по вкусу (или по карману) – однажды вы её просто получаете – вместе с маленькой ведьмочкой, которая эту шляпу считает ничем иным, как своим собственным домом. Ведьмочку по своему вкусу вам, кстати, тоже выбирать не придётся.

Маленькие ведьмочки появились в Блекхэте задолго до того, как там вздумалось жить обычным людям, поэтому и считают здесь они себя полноправными хозяевами и делают что хотят.

Испокон веков эти вздорные дамы имеют привычку проводить весь год, уединённо занимаясь им одним ведомыми важными делами, отгородившись от остального мира уютным домиком (который представляет собой не что иное, как ту самую преобновенную чёрную шляпу).

И только в одну из летних ночей эти премилые создания оставляют свои привычные убежища и слетаются на холм (на котором ныне высится городская башня), чтобы себя показать да на других посмотреть, а заодно и рецептами разных зелий обменяться и новые знакомства завести. Ну и конечно, вволю налетаться на метёлках. А те, кто подружились во время праздника, ставят шляпы-домики по соседству – чтобы тайком бегать друг к дружке в гости весь следующий год.

Когда на территории будущего Блекхэта объявился первый человек, первым, что он здесь обнаружил, была та самая чёрная шляпа, и этому человечку не пришлось в его

длинноволосую голову (в те времена все человечки, даже очень маленькие, носили длинные волосы, а то и парики) ничего умнее, чем эту самую шляпу поднять и измерить.

Конечно, ему очень повезло, что молоденькая ведьмочка, жившая под ней, в это время сладко спала – да и вообще была добренькая. Зато, когда человек попытался эту шляпу снять, ведьмочка уже давно проснулась и обосновалась на новом месте, а уж если этой малышке понравилось какое-нибудь место – даже и не пытайтесь её оттуда выгнать.

Соседка этой самой ведьмочки, тайком побывав в новом домике подружки, пришла в полный восторг, и уже на следующее утро незатейливый товарищ Первооткрывателя, проснувшись, обнаружил себя украшенным такой же самой шляпой. Так и повелось.

Все до единого жители Блекхэта в одну из летних ночей выходят на улицы и – единственный раз в году – снимают свои шляпы, чтобы тысячи маленьких ведьмочек отпраздновали свой невинный шабаш.

После этой волшебной ночи горожане часто переезжают – поближе к новым друзьям, нередко и свадьбы. Старые блекхэтяне любят поговаривать: «Браки заключаются под шляпами!» Или: «Насильно под шляпу не влезешь...»

А что до длинных волос – об этом сами жители до сих пор ничего не знают – спросите у маленьких ведьмочек.

страницы автора

elizavetaleshenkov.wixsite.com/singer-song-writer

vk.com/public121044397